

Святой Никола в жизни и творчестве Н.А. Клюева

Л.Г. Яцкевич
(Вологда)

«От Холмогор до Колы – тридцать три Николы» – гласит древняя поморская поговорка. С ней перекликаются поэтические строки Николая Клюева:

Студеная Кола, Поволжье и Дон
Тверды не железом, а воском икон¹.

Творчество Н.А. Клюева, возродившего традиции древнерусской литературы в поэзии XX в., является художественным свидетельством глубокого почитания на Руси свт. Николая Чудотворца.

В старообрядческой среде, в которой прошли детство и юность поэта, он приобщился к духовной славе этого великого святого. Воспоминаниями детства навеяны его поэтические описания крестьянской избы с иконами в красном углу:

Изба засыпает. С узорной божницы
Взирают *Микола* и сестры Седмицы,
На матице ожила карлиц гурьба,
Топтыгин с козой – избяная резьба².

С молодости Клюев был тонким ценителем и знатоком северно-русской иконографии. В записях 1919 г. он признавался: «В древней иконе сердце и поцелуи мои. Молюсь на Андрея Рублева, Дионисия, Парамшина, выгорецких и устюжских трудников и образотворцев...»³ В поэме «Погорельщина», воссоздавая красоту северно-русского народного искусства, наряду с другими героями – крестьянскими умельцами, Клюев поэтически изображает иконника Павла и тайны его творчества:

Иконник Павел – насельник давний
Из Мстер великих, отец Дубравне,
Так кличет радость язык рыбащий...
У Павла ошупь и глаз нерпячий –
Как нерпе сельди во мгле соленой,
Так духовидцу обряд иконный,
Бакан и умбра, лазорь с синелью
Сорочьей лапкой цветут под елью,
Червлец, зарянку, огонь купинный

По косогорам прядут рябины.
Доска от сердца сосны кондовой –
Иконописцу как сот медовый,
Кадит фиалкой, и дух лесной
В сосновых жилах гудит пчелой⁴.

Упоминаются в этой поэме и известные в древности иконники Прокопий Чирин (конец XVI – первая половина XVII в.) и серебряных и золотых дел мастер Парамшин, или Парамша (XIV в.):

В зимы у нас баско –
Деда бают сказки,
Как потемок скрыни,
Сарафаны сини,
Шубы долгодлинны,
Лестовицы чинны!
По моленным нашим
Чирин да *Парамшин*
И персты Рублева –
Словно цвет вербовый!⁵

В течение всей жизни Клюев собирал древние иконы. Он не был бездушным коллекционером. Поэт горячо молился перед ними, они были частью его сокровенной жизни, поэтому даже в трудные, голодные времена он не хотел с ними расставаться, за что люди неверующие его осуждали. Свою любовь к древностям православной культуры Клюев не скрывал даже в самые страшные годы гонений на церковь, поэтому его можно назвать исповедником. Крестник Клюева И.Б. Запаладов, с родителями которого был дружен поэт в двадцатые годы, пишет: «Несмотря на то, что еще не утихли слухи о суровой расправе с митрополитом Вениамином и его духовными чадами, об «экспроприации» церковных ценностей (исчез серебряный иконостас Казанского собора, ограблены могилы царей в Петропавловке), Клюев не скрывал своих симпатий и любви к произведениям русской духовной истории и культуры, мысленно не расставался со своей уникальной коллекцией до конца жизни»⁶. Вынужден был он расстаться со своими сокрови-

шами только тогда, когда был арестован и сослан в Нарым, а затем в Томск. Судя по сохранившимся и недавно опубликованным описям его имущества, Клюев хранил 34 деревянные иконы и 5 серебряных. В доверенности Зинаиде Павловне Кравченко на сохранение вещей Клюев указал коллекцию икон, которые не раз упоминались и в его поэзии: «Неопалимая Купина, Феодоровская Божия Матерь, икона корсунская, Георгий на коне, Соловецкие чудотворцы, икона явление Сергию Богоматери, икона Авраама, Исаака и Иакова, *икона Николая и Григория Богослова, изображены во весь рост на черно-синем фоне*. Все иконы размера 8 вершков. Икона Ангела Хранителя. Икона Спаса, Богородицы и Иоанна Предтечи с чашей в руке. Икона преподобного Нифонта, Казанской; *икона на серебряном фоне Никола с умилением, внизу Георгий на коне и святые, размер 5 вершков*»⁷. В другом перечне упоминаются «три иконы одинаковых Тихвинской Божьей Матери... Четыре иконы *Никола, Георгий с копьем, Савватий и Варлаам Хутынский на темно-синем фоне, во весь рост*... Икона Спаса»⁸ (сохраняется пунктуация источника. — Л.Я.). 26 ноября 1934 г. он пишет из Томска В.Н. Горбачевой: «В опись я забыл внести... *икону Николая с Григорием Богословом во весь рост. Никола в ризе черными крестами. Размер 6 вершков на 4 вершка, 15 век*»⁹. И.Б. Запаладов считает, что коллекция икон Клюева бесследно исчезла. Только у него сохранился подаренный поэтом на крестины старинный образ Симеона Богоприимца Петровских времен.

Образ свт. Николая был духовной опорой больного ссыльного поэта в последний год его жизни в Томске. В письме к Н.Ф. Христофоровой в июле 1936 г. он пишет: «С марта месяца я прикован к постели. Привезли меня обратно к воротам домишка, в котором я жил до сего только 5 июля. Привезли и вынесли на руках из телеги в мою конуру. Я лежу... лежу, мысленно умираю, снова открываю глаза — всегда полные слез. Из угла смотрит мне в сердце “Страстная” Владычица, Архангел Михаил на пламенном коне низвергает в пучину Вавилоны, *Никола Милостивый в белом омофоре с большими черными крестами, с необыкновенно яркими* глазами, лилово-агатовыми, всегда спасающимися. В своем великом несчастье я светел и улыбочив сердцем»¹⁰.

Иконы, которые хранил Клюев, часто становились героями его стихотворений и поэм. Известный исследователь творчества Н.А. Клюева А.И. Михайлов считает: «Поистине клюевский “Песнослов” можно рассматривать и как своего рода поэтические святцы, в которых представлены образы православных, византийско-русских святых... *Чаще всего это Никола*...»¹¹ В его произведениях чаще всего упоминаются имена таких святых: Андрей Рублев — 49, Влас — 8, Гурий — 5, Димитрий Царевич — 5, Егорий — 31, Илья — 6, Иона — 4, Лазарь — 6, Медост — 7, *Николай* — 18, Петр — 10, Савватий — 8, Саровский Серафим — 6, Феодор Стратилат — 13 раз¹². В прозе Клюева имя свт. Николая упоминается *12 раз*¹³.

Таким образом, Николай Чудотворец — один из самых близких поэту святых. Не случайно его иконописный образ лежит в основе символического смысла вещей снов поэта, записанных его друзьями. Это два сна. Первый сон «Студеная жажда» был 14 июля 1923 г.:

Будто двор снежный в церковной ограде. На дворе церквушка каменная, толстостенная, почитай, вся снегом занесена. В надовратном кокошнике образ *Миколин*, и ты, братец мой, в нишем пальтишке, голорукий, в папертные врата стучишься — иззябший и бездомный. Под оконцем церковным ледяной колодец, а в нем вода близкая, но не нагнуться мне, пясткой не захлебнуть: норовлю я черпаком берестяным водицы испить. Только гляжу, человек передо мной бородатый на костылях по имени и отчеству меня окликнул и в церковь позвал причастной теплотой мою студеную жажду погасить.

Человек на костылях и ты, братец, на снежном крыльце в одно слились, и обличье у вас стало одно и голос один.

Врата же церковные открыл *Невидимый*...¹⁴

В этом сне передается в образно-символической форме состояние мистической оставленности и духовной жажды русского человека, лишённого своих православных истоков в послереволюционной России. Холод, стужа — символы грешного состояния души (ср. этимологию слова стыд, которое исторически связано с однокоренными сынуть, стужа, а также представление об аде, где душа, отошедшая от Бога, стынет). Двери в храм открывает Невидимый (Бог), помиловавший сновидца и его друга. Только там они обретут желаемую теплоту красоты и любви во Христе.

Образ Николая Чудотворца явлен в этом сне в двух традициях: церковной («В надовратном кокошнике *образ Миколин*...») и фольклорной («...человек передо мной бородатый на костылях по имени и отчеству меня окликнул и в церковь позвал причастной теплотой мою студеную жажду погасить...»). В произведениях устного народного творчества св. Николай нередко изображается хромоногим (без одной ноги)¹⁵, что объяснялось двоеверием, при котором образы христианских святых соотносились с языческими персонажами. По языческим представлениям, хромота представлялась как печать иного мира¹⁶.

Во втором сне, связанном с образом св. Николая¹⁷, также читаются две традиции: фольклорные традиции почитания Николая Чудотворца и Богородицы на Руси и христианские предания — переключка с событиями из западноевропейской истории почитания святителя. Так, явленный во сне отъезд Николая Чудотворца из России на корабле напоминает легенды, связанные с перенесением мощей святого из Мир Ликийских в город Бари¹⁸. В этом пророческом сне через образы Николая Чудотворца и Богородицы Клюев передает духовный смысл происходящих в послереволюционной России событий и тревогу за судьбу Отечества и свою судьбу.

История почитания св. Николая на Руси говорит о том, что в трудные времена, когда Отечеству угрожали враги-завоеватели, народ всегда обращался к помощи своего заступника — Николая Чудотворца, и он всегда помогал. Зарайский чудотворный образ святителя и соборный храм Чудотворца в Зарайске, Можайский образ св. Николая, Николо-Угрешский монастырь и чудотворный образ обители — все это напоминание о заступничестве святого за Русь во времена монголо-татарского нашествия. Поэтическим откликом на эти исторические события является вещий сон юного героя

поэмы «Песнь о Великой Матери» Николеньки, прототипом которого был сам поэт. Ему снится, как в лихую годину святые храмы Русского Севера, Святая Русь, поднимаются ввысь и летят к святителю Николаю — «под мирликийский омофор»:

Но вот из роши пренебесной
В тайник дохнуло фимиамом,
И ясно зрими храм за храмом,
Как гуси по излуке синей,
Над *беломорскою пустыней*
Святыни русские вспарили,
Все в лалах, яхонтах, берилле:
Егорий ладожский, София,
Спас на Бору, Антоний с Си
И с Верхотурья Симеон,
Нередицы в атласном корзне
Чегою брачною и в розне
Текли и таяли, как сон.
И золотой прощальный звон
Поил, как грудью, напоследки
Озера, камни, травы, ветки,
Малиновок в дупле корявом...
Прошайте, возопил собор,
Святая Русь отходит к славам,
К заливам светлым и купавам
Под *мирликийский омофор!*¹⁹

В этом историческом контексте особенно тревожно звучит тема богооставленности России, когда даже самый главный ее духовный защитник — св. Николай — оставляет ее. Эта тема является основной в послереволюционном творчестве Клюева. Так, в стихотворении «Александр Доб-любов» (1919–1920) поэт прямо сравнивает разные исторические эпохи, когда на Руси лилась кровь народная:

Сиротеет церквушка... *Микола с Егорием*
Обернулись тучкой — слезинкой небес,
Над израненной нивой, родимым поморьем
Пулеметом стрекочет и каркает бес...
Не ордой половецкой, не злыми татарами
*Окровавлен священный родительский лик!*²⁰

В поэме «Погорельщина» (1928), за написание и чтение которой Клюев подвергся аресту и ссылке, поэт говорит о крестьянах, не утративших православной веры и умоляющих Николая Чудотворца вернуться к ним и вернуть других святых:

Гляньте, детушки, на стол —
Он стоит чумаз и гол,
Нету Богородицы
У пустой застольицы!
Вы покличьте-ка, домочадцы,
На Сиговец к студеному долу
Парусов и рыбаей братца,
Святителя теплого — Миколу!
Он, кормилец, в ризе сермяжной,
Ради песни, младеня в зыбке,

Откушает некуражно
Янтарной ухи да рыбки!
«Парусов погонщик Миколае,
Объявился змий в родимом крае,
Вороти Егорья на икону —
Избяного рая оборону!
Красной ложкой похлебай ущицы,
Мы тебе подарим рукавицы
И на ноженьки оленьи пимы!»²¹

Однако трагедия неизбежна — св. Николай не вернулся и не вернул других святых:

Гляньте, детушки, на стол —
Змий хвостом ущицу смел!..
Адский пламень по углам —
Не пришел *Микола* к нам!²²

Этот мотив пришел в поэзию Клюева из устного народного творчества. Ср., например, широко известные в олонецком крае народные духовные стихи о чуде святителя с Василием, сыном Агрика²³.

Особенно подчеркивается Клюевым духовная близость свт. Николая Чудотворца к северному крестьянству. В своих произведениях он всегда упоминает этого святого в тесном соседстве не только с именами раннехристианских святых — св. Георгия Победоносца, пророка Илии, св. Димитрия Солунского, также любимых на Севере, но и с именами севернорусских святых: Варлаама Хутынского, Артемия Веркольского, Ионы Яшезерского, Трифона Печеньгского, Нила Сорского, Савватия и Зосимы Соловецких, Антония с Си. Все эти святые-подвижники Святой Руси, по мнению поэта, будут встречать русских исповедников в Царствии Небесном.

Тема встречи со св. Николаем в раю повторяется в ряде произведений Клюева: как в последней поэме «Песнь о Великой Матери», так и в его ранних произведениях, например в цикле «Избяные песни», посвященном умершей матери поэта:

Дохнуло молчанье... Одни журавли,
Как витязь победу, трубили вдали:
«Мы матери душу несем за моря,
Где солнцеву зыбку качает заря,
Где в красном покое дубовы столы
От мис с киселем, словно кипень, белы,
Там *Митрий Солунский*, с Миколою Влас
Святых обряжают в камлот и атлас,
Креститель Иван с ендовы расписной
Их поит живой иорданской водой!»²⁴

В этой же поэме в рассказе о колоколах — «акафисте о быллом», также упоминается св. Николай, который встречает души умерших в раю:

Обедню служат по *Сиону*.
Во *Благо* клеплется к канону
И на отход души блаженной,
Чтоб гусем или чайкой пенной
Летела чистая к *Николе*...²⁵

Этот же мотив в стихотворении «Поэту Сергею Есенину»:

Потянуло душу, как гуся,
В голубой полуденный край,
Там Микола и Светлый Иисусе
Уготовят пшеничный рай!²⁶

Народное представление о том, что «ключи от неба у Николая Чудотворца», отмечается многими фольклористами в духовных стихах и сказках, например «Савелий богатый и Никола Милостивый»²⁷. В народных сказаниях о том, что человек видит во время «обмирания», изображается, как душа человека, отделившись от тела, странствует по раю, руководимая Николой²⁸.

В поэзии Клюева нашли отражение и такие полуязыческие поэтические формы народного почитания св. Николая, как упоминание его имени в причитаниях по умершему:

Оттого, человеце, я выгляжу
Срубом-церковкой, в пуше забытою,
Что сегодня солдатская матушка
Подо мною о сыне молилася:
Она кликала грозных архангелов,
Деву Пятенку с Теплым Николою.
Припадала, как к зыбке, к валежине
Называла валежину Ванюшкой;
После мох, словно волосы, гладила
И казала сосцы почернелые...
Я покрыла ее епитрахилью²⁹.

Любовь русских крестьян к св. Николаю, еще не омраченная послереволюционными страданиями, выражена Клюевым в стихотворении «Вешний Никола» (1915 или 1917), где поэт рисует Святую Русь как земной рай, по которому странствует Николай Чудотворец:

Глядь, в белом худом балахонце,
По стежке прохожий илет.
Помыслила: странник на Колу,
Подпасок иль Божий бегун,
И слышу: «*Я вешний Никола*», –
Усладней сказительных струн.
Было мне виденье, сестрицы,
В сне тонцем, под хвойный канон...³⁰

О любви русского народа к Николаю Чудотворцу говорит и шутливая фраза Н.А. Клюева в письме С.А. Есенину (28 января 1922 г., Вытегра): «Ты – Никола, а я – Касьян, тебе все праздники и звоны на Руси, а мне в три года раз именины»³¹. Основа образного смысла этой фразы опирается на противопоставление в народном сознании св. Николая и св. Касьяна как вестников доброго и недоброго³².

Таким образом, великий русский поэт Николай Клюев запечатлел в поэтической форме традиции народного почитания свт. Николая Чудотворца на Руси. Этот святой был, по словам свт. Димитрия Ростовского, «зерцало добрых дел стаду своему»³³ и служил, по апостолу Павлу, «образцем для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (1 Тим. 4: 12).

Примечания

- ¹ Цит. по: Клюев Н.А. Сердце Единорога: стихотворения и поэмы. СПб., 1999. С. 672.
- ² Там же. С. 250. Здесь и далее выделено нами.
- ³ *Клюев Н.А.* Словесное древо. СПб., 2003. С. 29.
- ⁴ *Клюев Н.А.* Сердце Единорога... С. 671–672.
- ⁵ Там же. С. 677–678.
- ⁶ *Западалов И.Б.* Мой крестный – Клюев Николай // Вытегорский вестник. Вытегра, 1994. С. 51.
- ⁷ *Клюев Н.А.* Словесное древо... С. 211.
- ⁸ Там же. С. 412.
- ⁹ Там же. С. 345–346.
- ¹⁰ Там же. С. 378.
- ¹¹ *Михайлов А.И.* Поэтический космос Николая Клюева // Вытегорский вестник. Вытегра, 1994. С. 80–81.
- ¹² Поэтический словарь Н.А. Клюева: частотный словоуказатель. Вологда: машинопись; *Яцкевич Л.Г., Виноградова С.Б., Головкина С.Х.* Материалы к «Словарю имен собственных в поэзии Н.А. Клюева» // Клюевский сборник. Вып. 3. Вологда, 2002. С. 9–19.
- ¹³ *Клюев Н.А.* Словесное древо... С. 665.
- ¹⁴ Там же. С. 90.
- ¹⁵ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Ч. II. СПб., 1865. С. 290. См. также: *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 76.

- ¹⁶ *Успенский Б.А.* Ук. соч. С. 89–94.
- ¹⁷ *Клюев Н.А.* Словесное древо... С. 95–96.
- ¹⁸ Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского, и слава его в России. М., 2001. С. 100–103.
- ¹⁹ *Клюев Н.А.* Сердце Единорога... С. 766.
- ²⁰ Там же. С. 459.
- ²¹ Там же. С. 677.
- ²² Там же.
- ²³ Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского... С. 683.
- ²⁴ *Клюев Н.А.* Сердце Единорога... С. 233.
- ²⁵ Там же. С. 781–782.
- ²⁶ Там же. С. 297.
- ²⁷ *Соколовы Б. и Ю.* Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. С. 18–19; *Богатырев П.Г.* Верования великоруссов Шенкурского уезда [Архангельской губернии] // Этнографическое обозрение. 1916. Кн. 111–112, № 3–4. С. 63; *Успенский Б.А.* Ук. соч. С. 26–28.
- ²⁸ *Афанасьев А.Н.* Ук. соч. С. 67; *Успенский Б.А.* Ук. соч. С. 26–28.
- ²⁹ *Клюев Н.А.* Сердце Единорога... С. 272–273.
- ³⁰ Там же. С. 281.
- ³¹ *Клюев Н.А.* Словесное древо... С. 253.
- ³² *Успенский Б.А.* Ук. соч. С. 26.
- ³³ Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского... С. 56.